

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА КРЫМА

УДК 9:332:21/28 (447.75) «17»

Кузьмина Людмила Леонидовна

Кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории России,

Таврическая академия,

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;
Российская Федерация, Симферополь, e-mail: ksypnia-2006@mail.ru

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ КРЕПОСТНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В КРЫМУ И ЕГО ПОЛОЖЕНИЕ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКОВ

В статье рассматривается процесс формирования категории крепостного крестьянства в Крыму в период после вхождения полуострова в состав России в конце XVIII до 1861 года. Показаны количественные изменения, произошедшие в составе крепостного крестьянства Крыма за указанный период. Кроме того, анализируется положение крепостного крестьянства, показан рост крестьянских повинностей, прежде всего барщины. В статье рассмотрены причины относительно небольшого количества крепостных крестьян в Крыму, показаны особенности их экономической и личной зависимости от помещиков. Анализируется процесс появления и распространения крепостного права в Крыму в его классической форме на последнем этапе своего существования, когда оно приобретало наиболее жёсткие формы.

Ключевые слова: помещичье землевладение, категории крестьянства, крепостное крестьянство, формы феодальной ренты, формы внеэкономического принуждения крестьянства.

Lyudmila L. Kuzmina

PhD in History science,

Associate Professor of the Department of history,
Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University;
Russian Federation, Simferopol

**THE PROCESS OF FORMATION OF THE CATEGORY OF SERFDOM IN THE
CRIMEA AND ITS POSITION IN THE LATE XVIII CENTURY – THE FIRST
HALF OF THE XIX CENTURY**

Abstract. *The article deals with the process of formation of the category of serfdom in the Crimea in the period after the entry of the Peninsula into Russia in the late XVIII to 1861. Shows the quantitative changes that have occurred in the composition of the serfdom of the Crimea for this period. In addition, the situation of serfdom is analyzed, the growth of peasant duties, especially serfdom, is shown. The article considers the reasons for the relatively small number of serfs in the Crimea, shows the features of their economic and personal dependence on landowners. The author analyzes the process of emergence and spread of serfdom in Crimea in its classical form at the last stage of its existence, when it acquired the most rigid forms.*

Key words: *landlordism, category of the peasantry, serf peasantry, yeoman farmers, forms of extra-economic coercion of the peasantry.*

Для цитирования:

Кузьмина, Л. Л. Процесс формирования категории крепостного крестьянства в Крыму и его положение в конце XVIII – первой половине XIX веков // Гуманитарная парадигма. 2018. № 4 (7). С. 99–107.

В конце XVIII — первой половине XIX веков происходил процесс становления дворянского землевладения в Крыму. Помещики получали в собственность землю на полуострове, а также приобретали её в результате продажи казённых земель. Однако дворянство сталкивалось с проблемой нехватки рабочих рук. Местные крестьяне — в основном крымские татары — были причислены к государственным крестьянам, на которых крепостное право не распространялось. Они предпочитали арендовать землю за десятую часть урожая. Кроме того, по данным П. Кеппена, их в Крыму оставалось около 130 тысяч человек. Таким количеством крестьян невозможно было обеспечить обработку всей земли. В связи с этим правительством было принято решение о переселении из центральных губерний России государственных крестьян, а также иностранных колонистов-поселенцев [13, с. 226].

Одновременно правительство предпринимало меры к тому, чтобы укрепить в Таврической области (позднее губернии) крепостнические отношения. По распоряжению правительства помещики стали заселять вновь полученные земли крепостными крестьянами из своих имений, находившихся в центральных губерниях России. Поэтому в состав крепостного крестьянства Таврической губернии входили русские и украинцы, которые были переселены сюда в конце XVIII – первой половине XIX веков. Уже в начале XIX века в Таврическую губернию начали переселять крепостных крестьян такие крупные

помещики, как Потёмкин, Каховский, Синельников, Мордвинов, Струков, а в последствии и многие другие. Так, помещик Попов перевёз из Черниговской и Екатеринославской губерний в деревню Тавель Симферопольского уезда и Тарханкут Евпаторийского уезда несколько сотен крепостных крестьян. А губернатор Тавриды А. М. Бороздин в село Саблы Симферопольского уезда переселил тысячу крепостных крестьян, в частности, из Киевской губернии. При этом крестьянам из числа крымских татар им было отказано в аренде земли, в результате чего те вынуждены были покинуть землю и свои жилища. А новым крепостным-переселенцам пришлось работать на помещика А. М. Бороздина вместо узаконенных 5–8 дней 150 и более дней в году [2, л. 61]. Переселение помещиком Воронцовым крепостных из Владимирской губернии в свои южнобережные имения сопровождалось большими трудностями: крестьяне сталкивались с проблемой скудного пропитания и отсутствия пристанищ. Часто подвергаясь всевозможным заболеваниям, многие из них умирали в пути [9, с. 126]. В целом перевод крепостных из имений Центральной России стал основным источником роста крепостного населения в Таврической губернии.

Укреплению крепостнических отношений на этой территории способствовало принятие правительством ряда указов, закрепивших за «южными» помещиками право закрепощать беглых крестьян. Спасаясь от гнёта своих помещиков, они ежегодно в огромном количестве скапливались на юге. Особенно много беглых крестьян на территории Таврической губернии было во второй четверти XIX века — период усиления эксплуатации крепостного крестьянства помещиками центральных губерний. В попытке повысить доходы ими повсеместно поднимались оброк и барщина. Многие помещики увеличивали барскую запашку за счёт уменьшения крестьянского надела, а иногда вовсе лишали крестьян земли. Помещичий произвол был основной причиной бегства крестьян на юг, тем более, что в Таврической губернии они находили работу.

К комплексу правительственных мер относится и введение в 1809 году на законодательном уровне запрета проживавшим в Крыму крестьянам покидать место жительства у помещиков в период с декабря по март. В другое время года переселение крестьян допускалось, однако с передачей их земли и имущества помещику [11, с. 221].

Также 18 августа 1828 года был издан царский указ, по которому беглые крестьяне и бродяги, пришедшие в Новороссийский край и Бессарабию до 15 сентября 1828 года, обязаны были приписаться к помещикам или казённым «селениям». Невыполнение этого указа влекло строгое наказание: молодёжь отдавали в рекруты, тех, кто был старше 35 лет, определяли в арестантские роты и крепостные, беглых старше 38 лет и женщин отправляли в Сибирь или

же возвращали помещикам. Например, генерал-губернатор Новороссийского края герцог Ришелье официально обратился к Александру I с просьбой, чтобы всех беспаспортных беглых крестьян и бродяг, которые находятся в крепостных и арестантских ротах, поселили в Новороссийском крае. Нередко помещикам Таврической губернии царское правительство передавало крестьян, осуждённых за различные проступки. Все эти мероприятия правительства приводили к тому, что в Таврической губернии вплоть до реформы 1861 года происходил рост числа крепостных. В 1800 году в губернии по данным Новороссийской казённой палаты насчитывалось 12 146 душ крепостных обоего пола [14, с. 27]. А к 1861 году количество крепостных крестьян возросло до 21 144 душ мужского пола (или 42 тысяч душ обоего пола). Это положение следует особенно отметить, так как в целом в России к началу реформы количество крепостных крестьян уменьшилось.

Однако в Таврической губернии количество крепостных крестьян было относительно невелико. Многие помещики вообще не имели крепостных и вели свое хозяйство с использованием наёмной рабочей силы, пополняемой за счёт местного населения, беглых крестьян и крестьян, отпущенных на оброк из различных губерний страны. По данным А. Тройницкого, из 1 231 помещика, имевшего землю, крепостными крестьянами владели только 543 или 44,5 %, причём 416 помещиков имели до 20 душ крепостных крестьян, 93 помещика — от 21 до 100 душ и 35 помещиков — от 101 до 1 тысячи и более душ крепостных крестьян [16, с. 31].

Распределение крепостных крестьян по уездам было неравномерным. Большое их количество сосредотачивалось на территории трёх материковых уездов Таврической губернии, прежде всего в Мелитопольском и Днепровском. Значительно меньшее количество крепостных крестьян в Крыму, что объясняется прежде всего нераспространением крепостного права на крымских татар, немцев, греков и других нерусских жителей полуострова. В состав крепостных крестьян в Крыму входили в частности переселённые сюда помещиками из их имений в центральных районах страны, а также крестьяне, добровольно приехавшие в Крым и приписавшиеся к тому или иному помещику по указу царя. К 1861 году крепостные крестьяне по отдельным уездам распределялись следующим образом: в Симферопольском — 1 368 душ, Феодосийском — 2 089 душ, Евпаторийском — 872 души, Перекопском — 670 душ, Ялтинском — 160 душ, а всего 5 168 душ мужского пола. Из них 1 263 были дворовыми, 3 905 — издольными. Большое число дворовых крестьян в Крыму было связано с тем, что к их числу относились крестьяне, работавшие в садах и на виноградниках. В Крыму не было оброчных крестьян. Это объяснялось тем, что крымским помещикам, широко использовавшим труд наёмных сельскохозяйственных работников, невыгодно было отпустить своих крестьян

на оброк. Помещики строго следили за тем, чтобы их крестьяне не уходили на посторонние заработки.

При всём при этом на полуострове ощущался недостаток рабочей силы. Дворянство губернии неоднократно, в частности в 1838 и 1841 годах, ходатайствовало о возможности заселить свои владения переселенцами. В этот период в 115 владениях, имевших 364 195 десятин земли, было поселено 1 615 крепостных мужского пола и 1 543 — женского, выполнявших барщинные повинности [10, с. 152]. Отсутствие достаточного количества рабочих рук создавало тяжёлые условия для крепостных крестьян. Помещики, хозяйства которых переходили к производству хлеба на продажу, заставляли своих крестьян работать на себя в течение полной недели. В Крыму, в отличие от большинства губерний России, крепостные крестьяне были переведены на барщину, т. е. здесь преобладала отработочная рента. Преобладание в помещичьих имениях Крыма барщины было обусловлено не только ростом товарности помещичьего хозяйства, но и наличием большого числа переселенцев, не имевших собственного хозяйства. Труд таких крепостных выгоднее всего было использовать на барщинных работах. Кроме того, крепостные крестьяне были вынуждены выполнять ряд натуральных повинностей, в том числе очень обременительную подводную повинность, связанную с перевозкой в портовые города помещичьего хлеба, фруктов, шерсти, вина.

Положение барщинных крестьян было тяжелее оброчных, так как барщина исключала самостоятельность крепостного, влекла за собой регламентацию всей его жизни, создавала условия для произвола помещика над личностью крестьянина. Помещик имел право по своему усмотрению увеличивать количество дней, которые крестьяне работали на барщине. В конце 50-х годов XIX века лишь в небольшом количестве помещичьих имений Крыма сохранилась трёхдневная барщина, в большинстве же она доходила до 5 дней в неделю. Так, помещик Симферопольского уезда Бороздин заставлял крепостных работать на барщине 150 дней в году. Постепенно до пяти дней в неделю довёл барщину для своих крепостных и помещик Феодосийского уезда Колмари [3, л. 20–21]. Нередки были случаи, когда помещики, не считаясь с количеством установленных дней, заставляли крестьян сначала выполнять повинности на господина, а затем трудиться на себя. Вместе с тем барщинные крепостные не освобождались от натуральных и денежных повинностей в пользу помещиков.

Разновидностью барщины и одним из средств её интенсификации являлась месячина. Этот вид помещичье-крестьянских отношений получил своё название от платы натурой в виде месячного продовольственного пайка, который выдавался крепостным, лишённым земельных налогов и обязанным

всё рабочее время находиться на барщине [12, с. 28]. Переход на месячину был особенно выгоден для тех помещиков, которые имели большое количество земли и мало крестьян. Стремясь как можно больше увеличить доходность своих имений, они не разрешали крестьянам заниматься собственным хозяйством и требовали от них работы только в господском имении. Так, 36 помещиков Феодосийского уезда имели 282 крестьянина и заставляли ежедневно работать в своих имениях. Помещик Евпаторийского уезда Фёдоров в 1849 году всех крестьян деревни Кенутез, перевёл на месячину, заставляя работать ежедневно.

С той же целью повышения доходов помещики вводили так называемые «уроки», для выполнения которых крестьяне должны были работать больше положенного времени. Так, помещик Феодосийского уезда Шатилов ввёл «урочные» работы по уборке сена, хлеба, обработке плантаций, строительству каналов. Сам помещик Шатилов считал, что «установление уроков» едва ли не важнее самого увеличения объёма барщины. Однако введение «месячины» и «уроков» не могло существенно сказаться на увеличении прибавочного продукта. Производительность принудительного труда становилась всё ниже, а недовольство крестьян росло.

Особенно тяжёлым было положение крестьян, зависевших от мелких помещиков. У этих крепостных отсутствовали земли, скот, хозяйственные постройки и собственные жилища. В Симферопольском уезде из 150 крестьян, принадлежавших мелкопоместным помещикам, никто не имел земли, из них только четверо жило в собственных жилищах. В Феодосийском уезде из 282 крепостных жильём владели только 83, в Евпаторийском уезде никто из 65 крестьян, принадлежавших мелкопоместным помещикам, не имел ни земли, ни какого-либо иного имущества и все жили в господских строениях [4, л. 50].

Крепостные крестьяне, испытывавшие экономическую и личную зависимость от помещиков, были лишены всяких прав. Их продавали, как вещи, отдавали за долги помещику, проигрывали в карты, меняли на собак и т. д. Обычным явлением, поощряемым правительством, была продажа крепостных крестьян с землёй. Но помещики Крыма часто покупали крестьян в центральных губерниях России без земли и привозили их в свои имения.

Власть помещика над крепостными крестьянами по сути ничем не была ограничена. Закон всегда оказывался на стороне помещика, который имел право сечь крестьян розгами до 40 ударов и палками до 15 ударов, арестовать на 2 месяца, заключать в смирительные работные дома до трёх месяцев и арестантские роты до шести месяцев, ссылать в Сибирь. Закон запрещал крестьянам жаловаться на помещиков и предусматривал наказание жалобщиков 50 ударами розог. Так, жестокой порке были подвергнуты

крепостные крестьяне деревни Мшатка Ялтинского уезда за поданную предводителю дворянства жалобу на жестокое обращение графа Кушелёва. Не препятствовал закон и помещице Симферопольского уезда Бухариной, которая за малейшую провинность сажала крепостных на цепь, надевала им на шею железную рогатку с четырьмя острыми спицами и запирала на замок. Жертва помещичьего произвола нередко подвергалась такому наказанию в течение нескольких дней [5, л. 1]. Другой помещик Симферопольского уезда, Властерий, заковывал крестьян в железные кандалы, надевал на ноги деревянные колодки и заставлял работать в поле. Даже полиция была вынуждена признать, что обращение помещика Властерия со своими крепостными было бесчеловечным [6, л. 2].

В архивах канцелярии Таврического губернатора сохранилось большое количество жалоб крепостных крестьян на бесчеловечное обращение с ними помещиков, но нет ни одного дела, по которому было бы принято решение о наказании помещиков [7]. Безрезультативными были и жалобы крестьян в Петербург. В деле, посвящённом действиям временного земского суда, содержатся жалобы на полковника Кушакевича: он увеличивал повинности крестьян, в частности барщину, произвольно продавал замену крестьянских повинностей, захватывал земли. В соответствии с Российскими законами объём барщины, выполняемой крепостными крестьянами, должен был составлять 15 рабочих дней в году. Вместе с тем помещики на основе норм обычного права пытались узаконить неограниченное время повинностей, особенно в период страды. Помещики выступали за полную свою свободу в определении объёмов и сроков выполнения повинностей крепостными крестьянами, и прежде всего барщины [1, с. 32]. Более того, граф Н. С. Мордвинов писал в Петербург о том, «что узаконение малой повинности поселян на землю, которую они у помещиков в найме содержат, может послужить к возбуждению лености, всегда вредной» [8, л. 26]. Вскоре помещики Таврической губернии обязали крестьян полностью обрабатывать барскую землю в расчёте 2,5 десятины на плуг, засеивать её, собирать урожай и доставлять своими средствами в город. Десятина увеличилась до 2/10 всего собранного сена, по 30 копеек с головы крупного рогатого скота, по 6 копеек с овцы (за право выпаса на бывшем общинном лугу). Устанавливается неограниченная подворная повинность и обязанность для крепостных выполнять натуральные повинности, выполнять для помещика необходимые для него работы по дому.

Таким образом, характерной особенностью Крыма стало появление здесь крепостного права в его классической форме на последнем этапе своего существования. Общая численность крепостных крестьян в Крыму была

невелика и по отношению к свободному населению Таврической губернии не превышала 4% [15, с. 253].

В 1795 году, через 12 лет после присоединения Крыма к России, в Таврической области было более 12 тысяч крепостных мужского пола, что составляло 11,31% от всего крестьянского населения области. Эта цифра почти не изменилась до конца 20-х годов XIX века. Только в начале 30-х годов этого же столетия численность крепостных увеличивается до 19 032. В 1857 году по удельному весу крепостных в составе населения Таврическая губерния занимала 44-е место в России, хотя в этом году число крепостных на этой территории составляло более 20 тысяч человек, или 7,87% крестьянского населения губернии. Таким образом, за 60 лет количество крепостных возросло, но удельный вес их в общей массе крестьян снизился. Следовательно, помещикам не удалось осуществить переселение крепостных сюда в сколько-нибудь крупных масштабах. Большинство помещиков вело хозяйство с использованием труда безземельных свободных крестьян или с помощью вольнонаёмных рабочих. Почти единственной формой феодальной ренты была отработочная рента, т. е. барщина, ограничивавшаяся, как правило, тремя днями в неделю. В большинстве случаев она исчислялась с так называемого тягла — одного работоспособного мужчины с женой, выходивших на работу не менее чем с одной парой волов. Не имевшие рабочего скота обрабатывали барщину в качестве пеших работников.

Характерной особенностью помещичьего хозяйства Таврической губернии в середине XIX века было наличие больших земельных владений при общем незначительном количестве крепостных крестьян. Это обусловило, с одной стороны, преобладание барщины и большой удельный вес среди крепостных крестьян дворовых, с другой стороны — широкое применение в ряде поместий вольнонаёмного труда. Эти две противоположные тенденции свидетельствовали о кризисе крепостнической системы хозяйства накануне 1861 года.

Источники и литература

1. Блюменфельд, Д. А. Крымско-татарское землевладение: историко-юридический очерк. Одесса: Одесский вестник, 1988. 116 с.
2. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 83 (Феодосийское окружное правление государственных имуществ), оп. 1, д. 10, 64 л.
3. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 26 (Канцелярия Таврического губернатора), оп. 1, д. 17, 26 л.
4. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 26 (Канцелярия Таврического губернатора), оп. 4, д. 1767, 58 л.

5. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 26 (Канцелярия Таврического губернатора), оп. 1, д. 2901, 18 л. (л. 1)
6. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 26 (Канцелярия Таврического губернатора), оп. 1, д. 2901, 18 л. (л. 2)
7. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 26 (Канцелярия Таврического губернатора), оп. 1, д. 2711, 11 л.; д. 2911, 14 л.; д. 2918, 9 л.; д. 5083, 12 л.; д. 7375, 9 л.; д. 12110, 13 л.
8. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 799 (Таврическое областное правление), оп. 4, д. 2, 32 л.
9. Дружинина, Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 годах. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 354 с.
10. Забвению не подлежит...: из истории крымско-татарской государственности и Крыма: научно-популярные очерки / Сост. Н. Ибадуллаев, вступ.ст. В. Е. Возарина. Казань : Татарское книжное изд-во, 1992. 256 с.
11. История Крыма с древнейших времен до наших дней/ Г. М. Буров, Э. Б. Петрова и др. 5-е изд. Симферополь : Атлас-компакт, 2013. 420 с.
12. История Украинской ССР: в 10 т. Т. 4 : Украина в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы / Отв. ред. Н. Н. Лещенко. Киев : Наукова думка, 1983. 694 с.
13. Крым. От древности до наших дней. Симферополь: Черномор ПРЕСС, 2010. 656 с.
14. Скальковский, А. А. Хронологический обзор Новороссийского края с 1796–1829 гг.: в 2 ч. Ч. 2. Одесса : Городская типография, 1868. 368 с.
15. Секиринский, С. А. Виды повинностей крепостных крестьян в Таврической губернии накануне 1861 г. // Ежегодник по истории стран Восточной Европы. Минск, 1964. С. 351–360.
16. Троицкий, А. Г. О числе крепостных людей в России. СПб. : Тип. Мин. внутр. дел, 1858. 40 с.

~